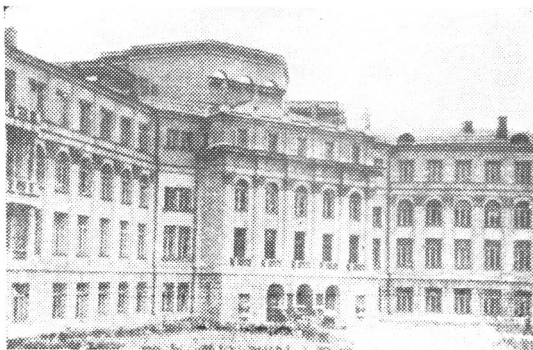

ВТОРОЙ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ
имени Н. И. ПИРОГОВА

АКТОВАЯ РЕЧЬ

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
Н.И. ПИРОГОВА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ

Профессор И. В. ДАВЫДОВСКИЙ

МОСКВА — 1960

ВТОРОЙ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ
имени Н. И. ПИРОГОВА

АКТОВАЯ РЕЧЬ

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
Н.И. ПИРОГОВА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ

Герой Социалистического Труда,
действительный член АМН СССР,
профессор И.В. Давыдовский

МОСКВА - 1960

Подготовлено к печати почетным профессором ФГАОУ ВО
РНИМУ им. Н.И. Пирогова О.Д. Мишневым и сотрудниками
Музея истории РНИМУ им. Н.И. Пирогова и Отечественной
медицины.

Москва - 2023 год.

Дорогие товарищи!

Когда мы говорим об истории крупных, великих, людей, то, разумеется, важно говорить об истории людей в аспекте, главным образом, истории идей. И в этом отношении Николай Иванович Пирогов является той фигурой, о которой можно много интересного сказать в отношении именно истории идей. К тому же, как сказал И.П. Павлов¹, «...для того, чтобы хорошо оценить новое, необходимо прежде понять и оценить старое». И хотя мы сейчас говорим о старом, для нас интересно, что именно у Н.И. Пирогова было новым.

Н.И. Пирогов был по профессии специалистом-врачом, но какова была его специальность, сказать очень трудно. Сто лет назад понятие специальности было не столь определённым. Фактически, в одном лице творчески объединялось большое количество специальностей, и это придавало Н.И. Пирогову и его творческим исследованиям особую широту и глубину. Понятно, прежде всего, что Н.И. Пирогов врач, врач – практик, но в то же время он анатом, учёный, он большой хирург, он высокообразованный патолог, он организатор здравоохранения. И я уже не говорю об его общечеловеческих качествах.

Как патолог и теоретик, Н.И. Пирогов изучал раневой процесс, шок, пиемию, тромбоз, холеру, воспаление, много экспериментировал, и надо сказать, что им многое решено в развитие названной тематики.

Н.И. Пирогов очень много знал, очень многое умел. Но знание и умение ещё не всё. Н.И. Пирогов не только знал и умел, но он имел *убеждения*. Я позволю себе противопоставить этому понятию то, что мы называем *простоверием* в определённый запас знаний, когда ученый, не имея собственных убеждений, *верит* в то, что знали другие до него, и что знает сейчас он. Н.И. Пирогов не только обладал собственными знаниями, но он ещё имел довольно тяжёлый характер, в том смысле, что он сразу не принимал доверительно то, что наблюдал. Он обладал достаточной дозой скептицизма в науке, а как раз скептицизм в науке – дело показанное². Многие учёные высказывались в том смысле, что скептицизм в науке – это исключительно движение её вперед.

Н.И. Пирогов и лично к себе относился критически. Трудно назвать другое имя в истории, когда бы учёный так сам про себя писал о своих ошибках: «я погубил больного», «я должен быть менее тщеславным», «нужно возвести познание ошибок в особый раздел науки», «нужно, прежде всего, постичь механизм ошибок». Но тут же добавлял: «Правда, изучение ошибок –

¹ Иван Петрович Павлов (1849-1936) – российский и советский учёный, физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности, лауреат Нобелевской премии – *здесь и далее примечания ОДМ.*

²*Показанное* – то есть обоснованное, необходимое, обязательное.

это лабиринт, в котором заключены предрассудки, тщеславие, невежество, но святая любовь к науке и истине найдёт руководящую нить».

Из сказанного понятно, что Н.И. Пирогов скептически недолюбливал «Руководства». Этот беспокойный ум всегда как-то выходил за пределы стандарта знаний, шаблона мысли, и он даже написал: «Руководства содержат одни мёртвые наставления». Это написал врач – практик, хирург; о собственном руководстве по хирургии. В каком-то отношении он переключался с другим теоретиком, жившим несколько позднее, но который писал о руководствах еще хуже. Я имею ввиду А.И. Бабухина³. Я вижу, что здесь присутствуют студенты, пусть они меня поймут правильно: не верьте учебникам, они вас «обманывают». А почему «обманывают»? Потому, что там все концы с концами связаны, а в науке этого не нужно, не должно быть. Вот так теоретик и практик Н.И. Пирогов говорит о руководствах.

Но вывод отсюда какой? Учебники нужны, и концы с концами связывать нужно там, где это возможно, но, разумеется, надо понимать и преподавателям, и студентам, что наука не в учебниках. Она, с одной стороны, в практике жизни, а с другой стороны, в широте знаний, которые расположены за пределами руководств и учебников, даже самых толстых.

Н.И. Пирогов отвергал схоластическую схему, он бунтовал против нивелирующей статистики общих нозологических форм и ратовал за глубокий индивидуальный анализ.

В 1832 году двадцатидвухлетний Н.И. Пирогов защитил докторскую диссертацию⁴ и писал в ней: «Побуждаемый истиной... я пытался выдвигать прежде всего факты, а не мнения и гипотезы». Я позволяю себе указать на это, коль скоро, по мнению некоторых наших «интерпретаторов», главным образом, хирургов, Н.И. Пирогов следовал этому положению в течение всей своей жизни, и что это должно звучать современно. Так ли это?

Это было сказано в 1832 году, в тяжёлое время реакционных направлений в науке, когда требовались только факты. Я называю это время реакционным, коль скоро чистая, обнажённая фактология, без попыток обобщить факты и дать теоретический аспект развития той или иной проблемы, разумеется, сама по себе науку не двигает. Годы с 1832 по 1858 были именно годами, когда все почувствовали отвращение к натурфилософии, то есть, когда человек сам выдумывал факты и выдуманное навязывал как объяснение природы, выдумывал законы природы. Это были годы, когда

³ Александр Иванович Бабухин (1835-1891) – русский гистолог, физиолог, эмбриолог, основатель Московской гистологической и микробиологических школ, Заслуженный профессор Императорского Московского университета.

⁴ Диссертация защищена в Императорском Дерптском университете на тему: *«Является ли перевязка брюшной аорты при аневризме паховой области легко выполнимым и безопасным вмешательством?»*

факты, действительно, самодовлели и трудно было высказаться в плане дедукции, умозрительно, даже там, где это являлось абсолютно необходимым, и как этого требовала высокая теория. Я напомним эпизод, который восходит к этому времени, что произошёл с П.Ф. Горяниновым⁵, зоологом и ботаником, когда он написал руководства по тому и другому предмету, где он руководствовался натурфилософскими принципами и где умозрительно выводил классификацию. Это кончилось очень печально. Академия наук написала, что профессор беспочвенно умствует в естествознании, а газеты писали, что эти учебники надо бросить в огонь⁶, причём это мотивировалось именно тем, что там были догадки, там вокруг фактов были мысли. Может, они были малы по сравнению с положениями других натурфилософов, но это были попытки дать обобщения, без которых теория мертва.

В принципе, Н.И. Пирогов не был рьяным идолопоклонником фактов. У Н.И. Пирогова в основе всех его мыслей, всех абстракций, которые он делает, лежат, в основном, факты. Но, ни факты, ни умение, ни знание сами по себе – это не наука. Наука рождается только тогда, когда возникает обобщение, позволяющее объяснять явление и предвидеть явление.

О фактологии, то есть о том направлении в исследованиях, которое сложилось в тридцатые – пятидесятые годы прошлого века, много писали учёные этого времени, и после писали об этом:

- Н.А. Холодковский⁷: «факт сам по себе не так важен и интересен, как правильное понимание его»;
- Д.И. Менделеев⁸: «В лесу фактов или в океане мысли одинаково можно заблудиться без теорий и доктрин»;
- А. И. Герцен⁹: «Факты – это только скопление однородного материала, а не живой рост, как бы сумма частей не была полна»;
- «Факты без мысли – это иероглифы без разгадки» (Н.П. Вагнер¹⁰);

⁵Павел Фёдорович Горянинов (1796-1865) – российский естествоиспытатель, доктор медицины, систематик живой природы.

⁶ По-видимому, И.В.Давыдовский имеет в виду критические высказывания в журнале «Отечественные записки» и разгромную статью в журнале «Библиотека для чтения», редактор которого О. И. Сенковский призывал сжечь учебник по зоологии П. Ф. Горянинова.

⁷ Николай Александрович Холодковский (1858-1921) – российский биолог-эволюционист, энтомолог, один из основоположников лесной энтомологии, поэт-переводчик, автор популярного перевода на русский язык «Фауста» И. В. Гёте.

⁸Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907) – российский учёный-энциклопедист, автор Периодической системы элементов.

⁹Александр Иванович Герцен (1812-1970) – российский публицист, писатель, философ.

¹⁰ Николай Петрович Вагнер (1829-1907) – российский зоолог, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, известный детский писатель.

- «Факты – это удел рабочих – подёнщиков» (Э. Г. Геккель¹¹), то есть специалистов, которые, не имея никакого мирозерцания, так легко бросаются в объятия той или иной веры, а вера есть в конечном итоге «убежище незнания» (К. Бернар¹²).

Слов нет, без фактов нет никакой науки - они «воздух учёного» (И.П. Павлов). Это всеобщая истина, не требующая никакого расследования. Но тут же И.П. Павлов добавляет: «Но если нет в голове идеи, то и не видишь фактов».

Эпоха 1810 – 1880-х годов, когда жил и творил Н.И. Пирогов, это очень интересная эпоха. С одной стороны, мы видим, что Карл Рокитанский¹³ продолжает свою линию гуморализма¹⁴ и кразов¹⁵, но в 50-х годах он признал свое поражение. Восходит Рудольф Вирхов¹⁶, в 1858 году он много работал и создал учение о целлюлярной патологии. Ещё раньше, в конце 18-го века, зародился и креп нервизм, развился главным образом в аспекте фактов и в аспекте умозрительных представлений. Родоначальник нервизма В. Куллен¹⁷ (Уильям Каллен), его ученик Джон Браун¹⁸, немецкая ветвь нервизма - Иоганн Шпис¹⁹. Другое направление – микробиологическое: Луи Пастер, Джозеф Листер. Политически - общественная линия представлена А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским, И.М. Сеченовым.

Я назвал массу имен, которые составляли окружение Н.И. Пирогова, и которые на него так или иначе воздействовали. Он должен был прислушиваться, но он не так уж слушался. К. Рокитанский уходил, Р. Вирхов восходил, а Н.И. Пирогов принимал полезные стороны учения К. Рокитанского и сдержанно относился к Р. Вирхову, вернее, умело синтезировал гуморальное и целлюлярное направление, он умело

¹¹ Эрнст Генрих Геккель (1834-1919) – немецкий естествоиспытатель, эволюционист, философ, систематик живой природы, автор понятий «онтогенез» и «филогенез», многих научных терминов, в том числе «шпекантроп».

¹² Клод Бернар (1813-1878) – французский учёный-медик, основоположник эндокринологии, автор «концепции гомеостаза», «блестящий экспериментатор в области физиологии» (И.В. Давыдовский).

¹³ Карл фон Рокитанский (1804-1878) – австрийский патологоанатом чешского происхождения, один из основоположников клинко-анатомического направления в медицине и современной патологической анатомии.

¹⁴ Гуморализм – направление в медицине, сформулированное Гиппократом. Гуморальная теория развивалась и дополнялась в течение более чем двух тысяч лет. К. Рокитанский был активным сторонником гуморальной теории, давая объяснением жизненным процессам в организме состоянием его жидких сред.

¹⁵ Краза, кразы, красисы (*κράσις, др. греч. – смешение*) – термин, предложенный К. Рокитанским для обозначения состояний организма, обусловленных изменением химического состава его жидких сред и патологией их смешения. Например, воспалительные, тифозные, туберкулёзные и другие кразы.

¹⁶ Рудольф Вирхов (1821-1908) – немецкий патологоанатом, основоположник современной патологической анатомии, основатель научного направления в медицине, вошедшего в историю науки под названием целлюлярной или клеточной патологии.

¹⁷ Вильям Куллен, современная транскрипция – Уильям Каллен (1710-1790) – шотландский врач и учёный.

¹⁸ Джон Браун (1735-1788) – шотландский медик, натурфилософ, автор теории «браунизма».

¹⁹ Иоганн Карл Шпис (1663-1729) – немецкий врач и ботаник.

синтезировал материалы и факты с нервизмом. Он очень много говорил и думал, и сам ставил эксперименты, и умел их правильно понимать.

Фактически, в творениях Н.И. Пирогова отразилась борьба гуморальной и целлюлярной патологии. Время от 1810 года и дальше – это время, когда ученые уходили стремительно от натурфилософии. Нужно заметить, что в 1850 году издавались учебники по натурфилософии для студентов. Крупнейший представитель натурфилософии Ф. Шеллинг²⁰ в 1854 году умер. Но куда идти от натурфилософии? Шли к другой философии. Так суждено человеку, он не может быть без философии. Куда же фактически шла мысль научных работников? Она шла к позитивизму, то есть фактам, знанию конкретных вещей. Она шла к прагматизму, экспериментализму, конкретным наблюдениям фактов жизни, то есть фактологии во всем ее разнообразии, понимаемой как позиция здравого смысла, а в теории искали выгоды мысли.

Отказ от натурфилософии был, с одной стороны, попыткой вообще отказаться от философии. Так делали Д.И. Писарев и К. Бернар, считая, что вообще нет никакой философии. В свое время Ф. Энгельс расшифровал это правильно: если бегут от философии, то все равно приходят к ней, но к дурной, и если эта философия не служит истине, то служит часто богословию.

Какие направления вызвал уход от натурфилософии? Всё-таки продолжали процветать ряд направлений, которые содержались и в натурфилософии. Я имею виду антропоморфизм, антропоцентризм и то, что прежде называли онтологией. Несколько слов по поводу этих терминов. Антропоморфизм – это приписывание предметам природы человеческих свойств и способностей. «Философствовать в природе – то же, что творить природу», – писал Ф. Шеллинг. Антропоморфный образ мира, как гносеологический корень религии, корень богословской интерпретации мира, ясно вытекает из соответствующих теоретических построений.

Антропоцентризм делает человека центром природы.

Вот таковы были направления. И я позволю себе остановиться на них потому, что, к великому сожалению, и антропоморфизм, и антропоцентризм в какой-то и немалой мере существуют и в наше время. Н.И. Пирогов имел дело с противниками более серьезными, может быть, чем он думал; и другие учёные того времени также боролись с онтологией и антропоморфизмом, и до сих пор этот враг научного знания и враг теории не может быть добит.

Н.И. Пирогов высоко ценил эмпирические данные в познании, но, с другой стороны, это не превращалось у него в пренебрежение или отрицание

²⁰Фридрих Шеллинг (1775-1854) – немецкий философ, натурфилософ, один из главных представителей немецкого идеализма.

роли логического мышления. Тем более нельзя сказать, что логическое мышление, рационализм руководили Н.И. Пироговым. Он хорошо понимал относительность истин, и догматизм ему был чужд.

Многие положения в медицине возникли раньше, чем им было дано точное научное определение, а при систематизации научных теорий эти понятия и определения стали выступать как исходные, как первичные, как абсолютно достоверные. Обособление и абсолютизация понятий придавали им значение природных факторов, нечто такое, что еще у Карла Линнея носило обозначение «естественного порядка природы, естественной системы». Это обособление понятий природных факторов, замкнутых в себе сущностей, то есть таких отвлечений, когда они принимаются не только за явления природы, но и за самую сущность этих явлений.

В.И. Ленин указывал, что закон и сущность – понятия однородные. Из этого следует: когда мы говорим о сущности – мы должны говорить о законах. Если мы говорим о сущности биологических явлений (воспаление, рак и так далее), то мы должны говорить о сущности, о закономерности этих биологических явлений. Не о том говорили натурфилософы, они выдумывали эту сущность, и эта сущность была чисто умозрительной.

Онтологические представления о явлениях природы, о сущем строились умозрительно, в отрыве от теории познания, от гносеологии. Онтология подменяла диалектическую логику общими абстрактными категориями, «учением о высших формах мышления», как выразился В.И. Ленин. Онтологическая сущность неизбежно приводила к различным вариантам «жизненной силы», динамизму, энергетизму и прочим терминам, которые должны были прикрыть объективный недостаток знаний. Когда-то К. Линней хорошо сказал, что если «не знаешь названия, то теряешь и познание». Действительно, в названиях, то есть в словах, терминах, понятиях учёные – онтологи XVII, XVIII, XIX веков хотели видеть подлинное знание, понятия.

Понятия приобретали черты чего-то деревянного, окостенелого. Именно в связи с такими понятиями Ф. Бэкон указал на их обратное и вредное влияние на само мышление. Он называл слова «призраками». Он, говорил, что «есть слова, которые явный вздор». Но есть другая группа слов, которые смутно, призрачно отражают действительность. Эти слова близки к действительности и в то же время не годны. Эти смутно, неточно, призрачно отражающие действительность слова особенно вредны.

В свое время ученые чувствовали разницу между словами и понятиями и старались брать более объективно отражающие природу понятия. Вместо «совершенствование» стали говорить «прогресс», вместо «защитные рефлексы» полагалось «приспособительные». Мы много говорим о **защитных**

компенсаторных реакциях, о **защитных** реакциях в организме по ходу воспаления. Следует подумать, не будет ли это онтологией, и не правильнее ли будет говорить о **приспособительном процессе** с точки зрения биологических закономерностей.

А вот что писал Н.И. Пирогов:

- «Названия, означающие неизвестную сущность процесса или заимствованные от одного внешнего признака, тем именно вредны, что они останавливают на себе внимание врача и увлекают его к односторонним действиям».
- «Чем больше мы вникаем в сущность вещей, тем более исчезают перед нами разделяющие их границы, тем труднее делается приложение наших понятий о сущности к практическому действию».
- «С другой стороны, чем больше мы, останавливаясь на одних случайных явлениях, стараемся отличить и классифицировать формы, тем легче разделяем то, что в натуре связано вместе, и соединяем, что разделено. Обе крайности должно избегать в практике».

У Н.И. Пирогова все уклонения в сторону теории, в сторону философии неизбежно начинаются фразой: «А как быть врачу с этим положением?». И далее он пишет: «Имея постоянно дело с научными отвлечениями, мы привыкли считать эти отвлечения не только за вещи, но и за самую сущность вещей, и от того практические врачи блуждают и ошибаются, как скоро встретится необходимость применить наши отвлечения к самому делу». О чем конкретно идет речь? Это не просто философия, речь идет конкретно и о конкретных вещах.

Если закон и сущность понятий однородны, то с точки зрения рассуждений Н.И. Пирогова, он и обязан говорить о какой-то сущности. Он говорит о **биологической сущности**. Для Н.И. Пирогова был доступен **биологический уровень понимания явлений**. «Воспаление – одно из главных проявлений образовательной силы организма при нарушении его целостности». Тут не чувствуется даже никакой патологии, это нормальное отправление организма. Абсолютно правильная точка зрения – изучение **биологической сущности явления**. То, что врачи называют воспалением, – это «возбуждение особенной деятельности поврежденной части».

Funcio laesa²¹ на самом деле – это особая деятельность организма, это не нарушение деятельности, пусть она и сопровождается субъективным

²¹Funcio laesa (лат.) – нарушение функции.

ощущением страдания. Н.И. Пирогов пишет, что эта особая деятельность основана на законах противодействия и самосохранения. Это выражение всегда готовой пластической бодрствующей деятельности организма.

Н.И. Пирогов иронизировал над господствующей страстью объяснять всё одним общим принципом. «Я не могу понять, как врачи могли быть столь односторонними, чтобы объяснить воспалением процессы, столь же далёкие от воспаления, как небо от земли». И, наконец, совсем мрачно: «Воспаление всё ещё остается ничего незначащим словом». Другими словами, он в этом слове не видит должного содержания и понятия. Н.И. Пирогов предлагает свое решение вопроса о сущности воспаления. Он видит это решение в сущности самого раздражения, его следствиях. И выход найден: нужно рассматривать процессы не по умозрительной их сущности, а по осязательным, материальным, их продуктам, по осязательным признакам, так как механизм воспаления не всегда один и тот же.

Я – патолог, и вместе с Н.И. Пироговым стою на том, что воспаление – это очень большая, широкая и пёстрая ширма, за которой скрываются разнокачественные процессы.

Откуда идёт скептицизм Н.И. Пирогова? Он идёт от практики, он идёт из теории. Н.И. Пирогов обнаружил, что под воспалением скрываются самые разнокачественные процессы, что нужно учитывать степень этого качества, его конкретное содержание и конкретное значение, и сам общий термин «воспаление» (как слово) часто вводит врачей действительно в заблуждение. Я напому, что в наше время идет бесспорная ревизия многих понятий, оканчивающихся на «-itis». По - видимому, не пройдет и десяти лет, как они получат совершенно иное содержание.

Н.И. Пирогов говорил о травматическом отёке при ране. Он называл этот отёк нормальной местной реакцией, это «исходная точка», нормальный инфильтрат. Перед нами кардинальной важности постулат: **патологические процессы нельзя изучать в отрыве от физиологических** - это единство. Впервые это было провозглашено И.И. Мечниковым, повторено Р. Вирховым, К. Бернарром, И.П. Павловым, И.М. Сеченовым, Н.Н. Введенским. И.П. Павлов писал о бесконечном ряде всевозможных особенных комбинаций физиологических явлений.

Товарищи! Говоря обо всем этом, я имею в виду сказать откровенно, что, по - видимому, эти воспоминания о направлении деятельности и мысли Н.И. Пирогова конкретно ведут к тому, что нам нужно подумать над содержанием наших предметов и наших руководств. В самом деле, учебник патологической анатомии содержит главу «Заживление раны». В одном учёном труде я мог прочитать: «заживление раны относится к числу еще не вполне изученных

патологических процессов». Это идет от наших руководств, потому что в наших руководствах есть глава «Регенерация раны». Учебник **патологической** анатомии, а по сути это могут быть **нормальные** проявления. Гипертрофия также значится в учебнике патологической анатомии, но без гипертрофии не может быть спортсмена. Воспаление изучается в патологической анатомии, патологической физиологии, но это нормальная функция организма с точки зрения биологии.

Все эти факты говорят о том, что понятия, которые вросли в наше сознание с медицинским образованием, нуждаются в серьезном пересмотре с позиций **биологической сущности** этого явления. Это уровень, с которого виднее, с которого можно больше понять и больше осмыслить.

Н.И. Пирогова отличает неодолимое стремление к обобщению фактов.

Холера для него – это холерный процесс, рана – раневой процесс. Он интересуется принципом периодичности, то есть циклами развития процесса, его детерминизмом, принципом комплексности действия. Он называет принцип комплексности действия «**тождественностью** действия». Здесь это спор с Ф.И. Иноземцевым²² (ортодоксальным нервистом времен Н.И. Пирогова), направленный против Ф.И. Иноземцева и нервистов с деспотическим оттенком их нервизма. Н.И. Пирогов подчёркивает «тождественность действия» болезнетворной причины «на все гистологические элементы... соединительную ткань, сосудистую сетку, периферические нервы и отделительный прибор», поскольку все названные элементы «составляют одно, в физиологическом смысле, нераздельное целое».

Н.И. Пирогов очень скептически подходит к рассуждениям о первичности и вторичности тех или иных процессов, как бы предвосхищая положение Ф. Энгельса: «Взаимодействие исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное». Не так ставили вопрос Ф.И. Иноземцев и другие, когда объясняли механизм холеры: сначала действие на нервную систему, потом на кровь и так далее. Эта схема разбивалась Н.И. Пироговым по существу, в принципе.

«Если нам иногда кажется действие этих причин совершенно односторонним или сосредоточенным только на ту или иную систему, – пишет Н.И. Пирогов, – то это зависит от несовершенства наших способов наблюдения, и если мы отделяем в нашем понятии одно из этих действий от другого, то это означает только слабость наших умственных представлений, заставляющую нас прибегать к анализу и разделять то в нашем уме, что тесно и нераздельно связано в природе».

²²Фёдор Иванович Иноземцев (1802-1869) – доктор медицины, хирург, профессор Императорского Московского университета.

Но с натурфилософской точки зрения, такой великий учёный своего времени, натурфилософ высшего разряда, И.В. Гёте сказал: «Чтобы не потеряться в бесконечном, ты должен различать и потом соединять»²³.

По сути, и цитируемое у Н.И. Пирогова говорит о том же.

Н.И. Пирогов хорошо понимал принцип локализации, он называл это «**принципом сосредоточивания**» для понимания того, почему при болезни болезненные процессы сосредоточиваются в одном или другом органе и так далее. Он усматривал в этом **биологическую закономерность**. Он писал про инфекционные заболевания: «какое-то непонятное влечение известных веществ к одному органу», – а через несколько десятилетий стало понятным не как влечение веществ, а как инфекционный симбиоз существ, то есть организма и микроба-возбудителя. Именно то или иное «сосредоточивание» инфекционного процесса обеспечивает существование во внешней среде этого возбудителя как вида. Мы вправе рассматривать местные процессы, как существенное и главное обнаружение скрытой для нас эпидемической болезнетворной причины.

О чем идёт речь? Речь идёт о том, что при инфекционных заболеваниях это «сосредоточивание» есть фактическое обнаружение скрытой от нас болезнетворной причины, поскольку они биологически обусловлены и имеют прямое отношение к распространению микроорганизмов-возбудителей в окружающей природе.

Товарищи! Фактические данные, общие теоретические философские рассуждения Н.И. Пирогова поразительно переплетаются с голосом врача - практика и голосом физиолога - учёного, и голос врача всё время идёт вперемешку. Это чрезвычайно характерно для всех творений Н.И. Пирогова. О том же воспалении, о том же нагноении Н.И. Пирогов пишет: «Нельзя предоставлять всё силам природы». Это уже мичуринское представление – «нельзя ждать милостей от природы». Отсюда его принцип обработки ран, рекомендации.

Несколько замечаний по поводу того, как теоретические данные Н.И. Пирогов выводил из практики, и как он тосковал в тех случаях по теории, когда он не видел в практике предпосылок для теории. Он писал: «Как прекрасно устроенному телу наших больниц не достаёт еще тесной связи с душой – наукой». Я написал бы это где-нибудь на стене в Московском горздраве, даже в Министерстве здравоохранения в кабинете министра.

²³ «*Dich im Unendlichen zu finden, mußt unterscheiden und dann verbinden*», – И. В. Давыдовский произносит в собственном переводе фразу из стихотворения И. Гёте «Atmosphäre» из цикла стихов, написанных в связи с метеорологическими изысканиями автора, изучавшего особенности облаков (Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe, letzter Hand, Band III, in 3. Gott und Welt).

А вот что говорил Д.И. Менделеев, буквально то же самое, касающееся связи завода и науки: «Завод – антитеза теории, как тело и душа. Отрывать одно – не будет и другого, видимый труп хоть и останется, но жизнь отлетит. Заводы сильны теориями, доктринами».

Два великих человека говорят об одном и том же: практика без теории существовать не может. На основе практики надо развивать теорию, и тогда теория будет могущим двигателем практики, где этот синтез осуществлен.

Н.И. Пирогов хорошо понимал принцип взаимосвязи общего и местного. Н.И. Пирогов, когда писал о ранах, тут же писал об организме; когда говорил о ране одной мышцы, говорил, как это влияло на весь комплекс мышечных сокращений; говоря о вторичном кровотечении, говорил об анемии, пиемии.

Важное место в учении Н.И. Пирогова – борьба с упрощением. Здесь не только речь идет о трактовке некоторых вопросов, поставленных Р. Вирховым, К. Рокитанским, но особое внимание Н.И. Пирогову приходилось уделять по отношению высказываний о нервизме, который в его время получил пышный расцвет в самых различных странах: В. Куллен, Д. Браун, И. Шписс, Клод Бернар, в России – Ф.И. Иноземцев. Н.И. Пирогов отвергает придуманное для объяснения сущности холерного процесса предположение, что возбудитель оказывает первоначальное действие на нервные центры. Соответствующие изменения в нервной системе Н.И. Пирогов склонен рассматривать, как «последовательные, зависящие или от препятствия кровообращению (стаза), или от изменённого состава крови», следовательно, ничем не отличающиеся от патологических изменений, наблюдаемых в других органах, поражённых холерным процессом. «Приняв доводы первоначального поражения нервных узлов в холере, основанные на понятиях о физиологических отправлениях этих органов (то есть, нервных узлов) мы можем всё и не можем ничего объяснить», – заключает Н. И. Пирогов.

Товарищи! Я закончу свой доклад указанием на то, что Н.И. Пирогов одновременно являлся и воспитателем молодёжи своего времени. Он прямо призывает к необходимости воспитывать «внутреннего человека»: «Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку!».

Н.И. Пирогов, как я сказал, не был учёным, который принимал всё на веру. Он имел свои убеждения, он прямо говорил: «Не хочу всем нравиться». Он не щадил противников, писал о том, как «в полном расцвете существует эгоизм и учёное тщеславие», когда приоритет открытия стал выше открытия, что для многих учёных достаточно «кое-что», или лучше ничего не делать.

Таков человек Н.И. Пирогов, замечательный в отношении своего творчества, в отношении глубины и широты его мысли; в отношении основных положений, которые мы предъявляем к науке, к практике: нужно

много знать, нужно много уметь, нужно иметь убеждения, с помощью которых можно все объяснить и предвидеть, но нельзя передать эти знания и умения без доктрин и теорий, так как без них ещё нет науки. В этом отношении два великих человека своего времени – Н.И. Пирогов и Д.И. Менделеев – могут пожать друг другу руки.

(Аплодисменты).